

Пролог

- Я ничего не вижу.
- Осторожно, здесь ступенька...
- Куда мы идем?
- Сейчас увидишь.
- «А какково сказать «прощай навек» живому человеку, ведь это хуже, чем похоронить».
- Слова из твоей роли?
- Да. Сегодня на репетиции я их забыла.
- Скажи еще что-нибудь.
- Вот, например... «Вижу я, входит девушка, становится поодаль, в лице ни кровинки, глаза горят. Уставилась на жёниха, вся дрожит, точно помешанная. Потом, гляжу, стала она креститься, а слезы в три ручья полились. Жалко мне её стало, подошла я к ней, чтобы разговорить да увести поскорее. И сама-то плачу...» Здесь очень темно!
- «Здесь очень темно» — отсебятина.
- Нет, правда, я ничего не вижу... У меня в сумочке спички.
- Не надо спичек. Дай руку.
- Уже пришли?
- Дай руку!
- Вот она... Как смешно. Я правда не вижу, куда...
- Это дверь.

- Где?
- Здесь. Дай мне руку, я тебя проведу.
- Ой!
- Что?
- Споткнулась.
- Осторожней, еще немного... Видишь, это уже я.
- Пожалуйста...
- Что?
- Руку больно!
- Тише...
- Мне больно!
- Зачем так кричать?
- Ма-а-ама-а-а!
- Ти-и-ише...

В темноте прозвучал коротенький вздох, зажглась спичка, и вдруг что-то хрястнуло, как будто раскололся большой арбуз.

— Вот и все. Как там по роли? Прощай навек?.. Ну так прощай.

ГЛАВА 1

ОТПУСК В ЖЕЛЕЗНОБОРСКЕ

В день, когда Дайнека получила университетский диплом, она купила билет и вечером улетела. По прибытии в Красноярск взяла такси и в половине шестого уже была у матери.

— Вот! — она протянула диплом.

Людмила Николаевна сонно прищурилась, потом обняла дочь.

— Поздравляю!

Дайнека спохватилась:

— Прости, что так рано.

— Ничего, — Людмила Николаевна показала на дорожную сумку. — За нами скоро приедут.

Дайнека опустила на стул.

— Кто?..

— Такси.

— Зачем?

— Мы едем в гости к моей школьной подруге. У нее свой дом на берегу Железнодорожного озера. Она давно меня приглашала, но я не решалась. Что ни говори, инвалид-колясочник — обуза для непривычного человека. С тобой будет проще. Так что вещи не разбирай. Надежда заказала для нас пропуск. Железнодорожск — город режимный.

Людмила Николаевна подъехала к зеркалу, развязала платок, стала снимать бигуди и складывать себе на колени. Дай-

нека глядела на нее и думала, что мать по-прежнему живет своими желаниями и ни с кем не собирается их согласовывать. Вздохнув, она взяла сумку и отнесла к выходу, убеждая себя в том, что приехала, чтобы побыть с матерью, а где, особого значения не имеет.

Про Железнодорожск Дайнека знала лишь то, что он находится в шестидесяти километрах от Красноярска. С одной стороны город окружен лесистыми сопками, с другой — болотами и лугами, которые протянулись до самого Енисея. Однажды ей пришлось там побывать, но визит имел быстротечный и экстраординарный характер¹.

Секретный город Железнодорожск поддерживал оборонную мощь страны и был отрезан от мира тремя рядами колючей проволоки. Выехать из него можно было свободно, а вот заехать — только по специальному разрешению.

За час они с матерью добрались до железнодорожного КПП², предъявили паспорта и прошли через механический турникет. То есть Дайнека прошла, а Людмила Николаевна проехала в инвалидной коляске. На той стороне «границы» их ожидала другая машина, поскольку чужие автомобили, в том числе такси, в город не пропускали.

По дороге мать рассказала, что Надежда Кораблева, ее подруга, никогда не была замужем и осталась бездетной. Их общее детство казалось ей самой счастливой порой жизни. Теперь подругам предстояли долгие разговоры о том золотом времени. И хотя относительно прошлого Людмила Николаевна придерживалась иной точки зрения, она не отказалась провести небольшой отпуск на берегу красивого озера.

¹ Подробности в книге «Подвеска Кончиты».

² Контрольно-пропускной пункт.

Дом, возле которого остановилось такси, выглядел основательно: два каменных этажа с цоколем. Вокруг — обширный участок с маленьким огородом. Плодовые деревья, баня, малинник...

Выбравшись из машины, Людмила Николаевна пересела в коляску. С крыльца сбежала статная дородная женщина и кинулась обниматься:

— Людочка... Мы уже заждались!

— Здравствуй, Надя. Это моя дочь! — По лицу матери было видно, что она гордится Дайнекой.

Из дома вышла мать Надежды, Мария Егоровна, кругленькая старушка с «перманентом» и вставными зубами. Она с трудом спустилась по лестнице, притронулась к пояснице и пожаловалась:

— Совсем замучил радикулит. Ни согнуться, ни разогнуться... Здравствуй, Люда. Какая у тебя взрослая дочь!

Людмила Николаевна похвасталась:

— Вчера получила университетский диплом!

Осмотрев дом и определившись, где они будут жить, Дайнека провезла мать по участку. Надежда с увлечением рассказывала про свои садовые достижения:

— Здесь у меня розы. Все удивляются, говорят, в Сибири они не растут. Растут! Да еще как!

— А это что? — Людмила Николаевна показала на тонкое деревце.

— Вишня.

— Неужели плодоносит? — из вежливости спросила Дайнека.

— Осенью полведра соберу!

Дайнека потрогала тоненький ствол, удивляясь, как этот прутик сможет произвести полведра вишни.

— Надя! Надя! — позвала из окна Мария Егоровна. — Хватит уже! Идите обедать!

За столом старуха не умолкала ни на минуту. Она сообщила, что сейчас находится на больничном, но вообще-то до сих пор работает костюмершей в городском Доме культуры. А муж ее, Витольд Николаевич, лечится в санатории. И не преминула добавить: в прошлом он работал на высокой должности в Комитете госбезопасности.

После обеда мать легла отдохнуть, а Дайнека отправилась к озеру. В холодной воде еще никто не купался, но загорающих на пляже было полно. Она скинула платье и зашла в озеро по грудь, потом оттолкнулась и поплыла. Солнце слегка нагрело поверхность, но в глубине, куда все время попадали коленки, был ледяной холод. Проплыв метров тридцать, Дайнека развернулась и направилась к берегу. Увлеченные примером, там, по колено в воде, уже стояли несколько человек.

Она ступила на берег, прошла по песку и ощутила всю прелесть предстоящего отдыха. Нежданно-негаданно Дайнека получила то, о чем мечтала давно: тихий отпуск вдали от шумного города.

Чуть обсохнув, она подняла платье и, стряхнув песок, натянула его на себя. На противоположном берегу озера тоже был пляж, за ним — парк, еще дальше стояли многоэтажные жилые дома. Дайнека добралась до автобусной остановки и села в первый подошедший маршрут. Через пятнадцать минут сошла в центре города. Впрочем, Железнодорожск был так мал, что его целиком можно было назвать одним центром или одной окраиной, кому как понравится.

На центральной площади стоял памятник Ленину и городской Дом культуры с шестью колоннами и внушитель-

ным портиком. За ним виднелись лесистые сопки и тайга — на тысячи километров.

По главной улице Дайнека дошла до парка, который соорудили из куска дикой тайги. Вековые сосны соседствовали здесь с прямыми аллеями, цветочными клумбами и гипсовыми спортсменами. Ей достаточно было совсем немного прогуляться по тропке среди деревьев, чтобы захотеть вернуться сюда с матерью. После этого Дайнека снова села в автобус и вернулась к дому Надежды. Во дворе она столкнулась с Марией Егоровной. Ее лицо казалось заплаканным и немного опухшим.

Дайнека встревожилась:

— Что-нибудь с мамой?

— С ней все в порядке, — вздохнув, старуха склонила голову. — А вот меня увольняют с работы.

— За что?

Из дому вышла Надежда, поставила на скамейку тазик с бельем и сообщила:

— В костюмерном цехе проходит инвентаризация. В Доме культуры начинают ремонт. Костюмеров всего двое. Сегодня позвонила начальница: или выходи, или увольняйся. А как она выйдет с радикулитом?..

Дайнека, не раздумывая, сказала:

— Есть один вариант.

— Какой? — поинтересовалась Надежда.

— Кем-нибудь заменить.

— Некем! — Старуха насухо вытерла слезы. — Видно и вправду увольняться пора. — Она уронила руки. — Но как же я без работы...

— Возьмешь лейку и пойдешь поливать огурцы, как все нормальные бабки, — сказала дочь.

— У всех нормальных бабок есть внуки, — Мария Егоровна отвернулась, словно опасаясь нарваться на неприятности, но все же добавила: — И даже правнуки. А у меня никого нет.

— Ну, вот что! — вмешалась Дайнека. — Я могу пойти вместо вас.

— Куда? — не поняла Мария Егоровна.

— На вашу работу.

— Да ты, наверное, иголки в руках не держала.

— Держала, — на крыльцо выкатилась в коляске Дайнекина мать. — Я сама ее шить научила.

Мария Егоровна растерянно взглянула на дочь.

— А что, — промолвила Надя. — Это хороший выход.

ГЛАВА 2

КОСТЮМЕРША

Следующим утром Дайнека вышла из дому и уверенно направилась к автобусной остановке. В сумочке у нее лежал пластмассовый контейнер с обедом, который приготовила Мария Егоровна, и серый халат, без которого, по уверениям старухи, работать было нельзя. Автобус вновь обогнул озеро и доставил ее к городскому Дому культуры.

У служебного входа стояла женщина с высокой старомодной прической. По серому халату Дайнека узнала в ней коллегу по цеху.

— Валентина Михайловна?

Женщина свела к переносице белесые бровки.

— Людмила Дайнека?

— Я, — кивнула она.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

Валентина Михайловна сказала вахтеру:

— Иван Васильевич, девушка — со мной. Пропустите.

Старик что-то записал в огромный журнал.

Вслед за начальницей Дайнека поднялась по мраморной лестнице. Из нарядного кулуара с окрашенными под малахит колоннами они свернули в коридор. Потом двинулись какими-то переходами, спускались и поднимались по узким лестницам, открывали тяжелые противопожарные двери и наконец оказались за сценой, где располагалось хранилище костюмерного цеха.

Валентина Михайловна отомкнула висячий замок на двустворчатой металлической двери, вынула его из проушин и зашла внутрь.

Сунув туда нос, Дайнека ощутила волнуемый запах. Позже она узнала: так пахнет грим, пыльные ткани, вошенная краска с папье-маше и старая обувь, в которой танцевала не одна пара ног. Но в тот первый момент ей показалось, что так пахнет тайна.

Большую часть хранилища занимали двухэтажные вешала, полностью заполненные сценическими костюмами. У окна стоял письменный стол. Все остальное пространство заполнили фанерные сундуки и деревянные ящики.

Валентина Михайловна критически оглядела Дайнеку и спросила:

— Халат у тебя есть?

Девушка скинула курточку, достала халат и быстро его надела.

— Будешь разбирать сундуки с реквизитом и обувью и записывать инвентарные номера. Работы много. Не вовремя заболела Мария Егоровна. — Начальница села за письмен-

ный стол. — Вот инвентаризационная ведомость. Здесь пишешь наименование, в этой графе — номер.

— А где все это взять? — поинтересовалась Дайнека.

Валентина Михайловна подняла глаза и выразительно помолчала. Потом обронила:

— Все в сундуках. — Она встала, подошла к ящику и ткнула пальцем в черную надпись. — Номер. Записываешь его в самом верху. — Со стуком откинула крышку и достала из ящика пару черных сапог. Показала подошвы. — Видишь цифры? Это инвентарный номер, вносишь в графу.

— Наименование там же искать?

— Зачем? — не поняла Валентина Михайловна.

— Чтоб записать...

Начальница устало вздохнула и, выставив перед собой сапоги, задала наводящий вопрос:

— Что это?

— Сапоги, — уверенно ответила Дайнека.

— Какого они цвета?

— Черного!

Валентина Михайловна взяла шариковую ручку и, проговаривая каждое слово, записала в инвентаризационной ведомости:

— Сапоги черные... Инвентарный номер сорок два, тире, двадцать три, сорок четыре.

— Все поняла! — Дайнека с готовностью потянулась к ящику. — С этого начинать?

— С этого, — сказала Валентина Михайловна. — По одной вещи выкладываешь и пишешь, потом все аккуратно возвращаешь на место.

Приступив к работе, Дайнека поняла, что Валентина Михайловна — жуткая аккуратистка. Все предметы и обувь ле-

жали в ящике идеально, и у нее не было уверенности, что, записав инвентарные номера, она сможет восстановить этот идеальный порядок.

Тем не менее до конца рабочего дня ей удалось перебрать целых три ящика и не получить ни одного замечания. Немного понаблюдав за Дайнекой, Валентина Михайловна успокоилась и больше не подходила.

В половине шестого, когда до конца рабочего дня осталось тридцать минут, Дайнека открыла большой фанерный сундук. В нем хранился сценический реквизит: жареный поросенок, яблоки, груши и огромный пирог, все — из папье-маше. Еще был кокошник с фальшивыми изумрудами, покрывало из старинного гобелена, резиновый виноград и ваза с вылинявшими поролоновыми цветами.

Под картиной в бронзовой раме Дайнека заметила уголок красного кожзаменителя. Заинтересовавшись, потянула его на себя и вытащила из ящика старомодную сумку. Оглядев ее, сообщила:

— Валентина Михайловна, на ней нет инвентарного номера.

— Дай. — Костюмерша взяла сумку, покрутила, потом сказала: — Пиши: сумка женская, «б» и «н».

— Что это значит?

— Без номера.

— А можно в нее заглянуть?

— Зачем тебе?

— Так...

— Ну, если так, загляни.

Дайнека расщелкнула замочек.

— Здесь деньги...

— Ну-ка, — Валентина Михайловна снова взяла сумочку и вынула десять рублей. — Надо же... Старый червонец. Ты, наверное, и не помнишь таких. А это что? — Она сунула руку в матерчатый карман и вытащила темно-красную книжечку. — Паспорт старого образца.

Дайнека придвинулась:

— Чей?

Начальница открыла паспорт и прочитала:

— Свиридова Елена Сергеевна, тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения.

Они стали разглядывать фотографию. На ней была хорошенькая блондинка с заколотыми наверх волосами. На вид — не больше семнадцати.

— Как он здесь оказался?

— Не знаю. Наверное, артистка из художественной самодеятельности положила, а потом забыла. Только что-то я не помню такой... — Валентина Михайловна порылась в сумочке, достала спичечный коробок, смятый платок и губную помаду фабрики «Рассвет».

— У меня в молодости такая была. Странно... Давай проверим прописку. — Она полистала паспорт. — Улица Ленина, дом восемнадцать, квартира тридцать четыре. Наша, городская, нужно бы занести...

Дайнека вернулась к ящику, но Валентина Михайловна посмотрела на часы и сказала:

— Можешь идти домой.

Дайнека засомневалась.

— До конца рабочего дня пятнадцать минут...

— Ну и что?

— Вам надо помочь...

— Завтра поможешь. — Костюмерша протянула ей паспорт. — А сейчас иди по этому адресу и отдай. Все-таки документ.

Дайнека взяла паспорт, сняла халат и вышла из костюмерной. Пройдя мимо запасника, где хранились ненужные декорации, спустилась по лестнице и направилась к служебному выходу.

— Стой! — Вахтерша Дома культуры преградила ей путь. — Кто такая?

— Людмила Дайнека.

— Здесь что делаешь?

— В костюмерном цехе бабушка заболела. Я вместо нее.

— Марии Егоровне давно пора на покой. Да кто ж сюда за такие деньги пойдет?..

— Ну, я же пошла.

— Не наша? Не городская?

Дайнека неохотно созналась:

— Приехала из Москвы.

— На каникулы?

— К матери в гости.

— Мать-то наша хоть, городская?

— Нет, она живет в Красноярске.

— Чего ж ты, девка, в Железнодорожке забыла?

— Мама здесь у подружки школьной гостит, в доме на озере.

— Значит, Мария Егоровна, наш костюмер, подруга твоей матери?

— Нет. Она мать подруги, — объяснила Дайнека.

Старуха пожала плечами.

— До конца рабочего дня еще десять минут.

Дайнека решила прекратить бесцеремонный допрос.

— Во-первых, утром вахтер все записал в журнал. Вторых, я не оформлена. Помогаю на добровольных началах.

— Тогда пусть напишут приказ и заверят его у директора. Без приказа больше не пропущу.

— У вас с этим строго, — ухмыльнулась Дайнека. — Скажите, а где здесь улица Ленина?

— Как выйдешь, сразу налево.

— Спасибо.

Она вышла через служебную дверь, свернула налево, по диагонали пересекла площадь и оказалась у «сталинки» под номером двадцать четыре.

Восемнадцатый был в двух шагах...

ГЛАВА 3

ПОИСК НАЧИНАЕТСЯ

Сидящие на лавочке старухи проводили Дайнеку любопытными взглядами. Она прошла мимо них и свернула в третий подъезд. Тридцать четвертая квартира располагалась на первом этаже. Дайнека постучалась в деревянную дверь, но никто не ответил. Она выждала, стукнула еще несколько раз и направилась к выходу.

— Ищешь кого? — спросила старуха в вязаной шляпке.

Дайнека раскрыла паспорт и прочитала:

— Свиридову Елену Сергеевну тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения.

— У нас таких нет.

Первую старуху перебила вторая, в пестром платке:

— Как, говоришь, фамилия?